

Доржиев Дандар Леонидович

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА И ВЕРУЮЩИХ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ХОДЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье на основе региональных архивных материалов рассматриваются преследования буддийского духовенства и верующих в Бурят-Монгольской АССР в ходе антирелигиозной кампании, проводившейся на начальном этапе коллективизации сельского хозяйства. Автор выделяет формы и методы антирелигиозной кампании, обосновывает положение о том, что она носила ярко выраженный репрессивный характер, усугублявшийся фактами грубого административного произвола на местах, и послужила важным способом разрушения духовных устоев единоличной деревни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 77-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Проанализированы философские и изобразительные аспекты взаимосвязи образа в портретной графике и проанализированы особенности формирования художественного образа в портрете, выполняемом в технике «графика».

Отмечено, что в XX в. графика стала влиять на развитие живописи в виде активного внедрения в изображения выразительных средств, наиболее характерных для графики. В первую очередь это повлияло на цветную портретную графику.

Графически изображенные образы позволяют видеть изменение картины мира и образа человека, поставить в центр духовные проблемы, эмоции, подчиняя им изменения в способах изображения.

Список источников

1. Андроникова М. И. Об искусстве портрета. М.: Искусство, 1975. 326 с.
2. Бесчастнов Н. П. Портретная графика: учеб. пособие. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2006. 368 с.
3. Вишпер Б. Р. Статьи об искусстве. М.: Искусство, 1970. 591 с.
4. Волков Н. Н. Восприятие предмета и рисунка. М.: Издательство АПН РСФСР, 1950. 508 с.
5. Зингер Л. С. О портрете. Проблемы реализма в искусстве портрета. М.: Советский художник, 1969. 463 с.
6. Искусство портрета: сб. ст. / Государственная академия художественных наук; под ред. А. Г. Габричевского. М.: Работник просвещения, 1927. Вып. 3. 159 с.
7. Щекатихин Н. Н., Сидоров А. А. Ф. Валлотон. М., 1918. 112 с.
8. <https://www.museodelprado.es/actualidad/exposicion/el-retrato-del-renacimiento/132673d0-1dd3-4546-8256-e971cf0d8884> (дата обращения: 18.05.2017).

IMAGERY IN PORTRAIT GRAPHICS

Daudova Fatima Khamidovna
Khaidov Khumaid Yakubovich

Grozny State Oil Technical University named after the Academician M. D. Millionshchikov
Fatima_art@mail.ru

The subject of the study is the artist's choice of a visual technique and creation of an image portrayed in the style of portrait graphics. The authors determine specificity and uniqueness of the figurative language of portrait art, examine the main styles of creating images, features of portrait types at different historical stages. The analysis of some portraits characterizing the creative approach of artists in making images determined by the technique of painting, skills and accumulated life experience is carried out.

Key words and phrases: graphics; portrait; image; stroke; etching.

УДК 94(47).084.6

Исторические науки и археология

В статье на основе региональных архивных материалов рассматриваются преследования буддийского духовенства и верующих в Бурят-Монгольской АССР в ходе антирелигиозной кампании, проводившейся на начальном этапе коллективизации сельского хозяйства. Автор выделяет формы и методы антирелигиозной кампании, обосновывает положение о том, что она носила ярко выраженный репрессивный характер, усугублявшийся фактами грубого административного произвола на местах, и послужила важным способом разрушения духовных устоев единоличной деревни.

Ключевые слова и фразы: Бурят-Монголия; буддизм; буддийское духовенство; верующие; антирелигиозная кампания; коллективизация сельского хозяйства; репрессивная политика; административный произвол.

Доржиев Дандар Леонидович, к.и.н., доцент

Бурятский республиканский институт образовательной политики, г. Улан-Удэ
dandar65@mail.ru

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА И ВЕРУЮЩИХ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ХОДЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Тема преследования буддизма и других религий, получивших распространение в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике (Б-МАССР), по сей день весьма болезненно воспринимается бурятской общественностью и вызывает у нее обостренный интерес. Не потеряла своей актуальности эта тема и для исторической науки Республики Бурятия, она изучается сразу несколькими исследовательскими направлениями. С различной степенью интенсивности и полноты освещения тема преследования буддизма, буддийского духовенства и верующих рассматривается в работах, посвященных истории сельского хозяйства республики, особенностям культурного строительства в крае, актуальным проблемам

буддологии [10, с. 195-205]. Достаточно серьезно данная тема изучается в местных трудах по истории политических репрессий [9, с. 84-98]. Преследования Буддийской церкви в Б-МАССР не обошли вниманием и историки спецслужб [8, с. 77-82].

Особый интерес представляет рассмотрение гонений на буддийскую религию в качестве составной части масштабных и знаковых социально-экономических, политических и культурных кампаний, подобных коллективизации сельского хозяйства. При этом сами гонения как историческое явление представляли собой совокупность множества относительно самостоятельных и логически завершенных акций, имевших разные хронологические рамки, тактические задачи и степень ожесточения.

Начальный этап коллективизации сельского хозяйства Бурят-Монголии сопровождался так называемой «антирелигиозной кампанией», послужившей важнейшим способом разрушения духовных устоев единоличной деревни. В последнее время в республике появились исторические исследования, рассматривающие данную кампанию именно в этом ключе [5, с. 87-102]. Подобные работы вводят в научный оборот ранее неизвестные исторические документы и материалы, дополняющие и расширяющие источниковую базу изучения процесса коллективизации. Однако многие аспекты антирелигиозной кампании все еще нуждаются в детальном освещении, попытка которого предпринята автором статьи на основе новых региональных архивных данных.

В принципе, историческая справедливость требует констатации того очевидного факта, что гонения на буддийскую религию начались уже с первых дней образования Б-МАССР. Философия, идеология и политическая практика Советской власти изначально не предусматривали мирного сосуществования с какой бы то ни было религией, не исключая и буддийскую. Однако характер масштабной и откровенно репрессивной государственной политики эти гонения приобрели именно в ходе рассматриваемой антирелигиозной кампании начального этапа коллективизации сельского хозяйства.

Состоявшееся 20-25 мая 1928 г. совещание партработников восточных районов Б-МАССР послужило своеобразным прологом антирелигиозной кампании в крае. На этом совещании буддизм и институт ламства (буддийского духовенства) были беспартийно определены как крупнейшая реакционная сила Бурят-Монголии, а все коммунисты республики обязывались решительно бороться с данной силой [3, д. 1320, л. 40-41].

13 августа 1929 г. бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) в своей резолюции «Об антирелигиозной работе» потребовало превращения этой работы в неотъемлемую часть повседневной деятельности всех партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций. В качестве главного метода борьбы с основными религиями края обком партии предписывал применять весь арсенал «воинствующего безбожия» [Там же, д. 1287, л. 13]. Причем подобные агрессивные шаги руководства Б-МАССР получили однозначную и всемерную поддержку общесоюзного Центра. 12 декабря 1929 г. специальная Комиссия ЦК ВКП(б), заслушав доклад Бурят-Монгольского обкома партии «О современном состоянии ламаизма в Бурят-Монголии и задачах дальнейшей борьбы», одобрила эту борьбу, назвав линию обкома правильной. В резолюции Комиссии подчеркивалось, что ламаизм является «исключительно реакционной идеологией», на почве которой «сплываются неонатские, кулацкие и другие антисоветские элементы» [Там же, д. 1068, л. 59-60].

Своего пика кампания борьбы с буддийской религией достигла во время проведения специального «антирелигиозного месячника» (январь-февраль) 1930 г., в котором приняли участие все советские, партийные и общественные организации Б-МАССР. Этот месячник сопровождался многочисленными фактами грубого нарушения законности, позже скромно определявшимися советской пропагандой и официальной исторической наукой как «определенные перегибы».

Созванный накануне антирелигиозного месячника Второй пленум Бурят-Монгольского облсовета «Союза воинствующих безбожников» (СВБ) дал своим ячейкам на местах установку на закрытие по республике в течение месячника как минимум одного дацана (буддийского монастыря). По этому поводу был даже заключен договор о «социалистическом соревновании» с Киргизским республиканским советом СВБ, в котором Бурят-Монгольский облсовет СВБ брал на себя обязательство добиться к весне 1930 года закрытия по республике уже не менее трех дацанов [Там же, д. 1691, л. 11].

В своем служебном рвении не отставали от «безбожников» (т.е. членов Бурят-Монгольского СВБ) и партийно-советские работники на местах. В январе 1930 г. очередной пленум Тункинського аймачного комитета (айкома) партии принял решение уже к 1 апреля этого года добиться ликвидации в аймаке всех дацанов [Там же, д. 1675, л. 54]. Схожую позицию занимали айкомы и райкомы партии других районов республики. Бурят-Монгольский обком ВКП(б) был даже вынужден позже признать, что антирелигиозный месячник оказался практически полностью сведенным к задачам закрытия дацанов. Именно поэтому к концу данного месячника по Б-МАССР оказались закрытыми около 20 дацанов [6, с. 56].

Формально этому закрытию предшествовали решения общих собраний граждан конкретного аймака или улуса (деревни). Но в абсолютном большинстве случаев эти решения принимались при прямом и грубом давлении местных властей. В информационной сводке (информсводке) «Об антирелигиозной работе в Бурят-Монгольской Республике» обкома партии от 20 марта 1930 г. приводился такой типичный для региона факт: на собрании бедноты Нарсутайского сомона (волости) Селенгинского аймака было решено закрыть дуган (буддийскую часовню), но большинство присутствовавших «осталось недовольно, не скрывая, что голосовали за закрытие только потому, что им угрожал представитель власти» [3, д. 1691, л. 5].

Схожими методами затем проводилось ускоренное закрытие религиозных объектов. В упомянутой информсводке «Об антирелигиозной работе в Бурят-Монгольской Республике» приводился целый ряд случаев закрытия дацанов сразу же после вынесения населением соответствующего постановления, без оформления «этого

дела» в необходимом порядке [Там же, л. 4-8]. Например, в улусе Бургустай Загустайского сомона Селенгинского аймака сомонные власти, сразу после получения решения общего собрания улуса о закрытии Тохойского дацана, не дожидаясь распоряжений АИКа (аймачного исполнительного комитета Совета народных депутатов), «немедленно закрыли дацан, разобрали все постройки и растащили все ценные вещи» [Там же, л. 3-4].

Помимо закрытия и осквернения буддийских религиозных объектов, объявлялось «социально-чуждым элементом» и подвергалось различным гонениям ламство. Преследования его, опять-таки, по собственному признанию Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), принимали «самые грубые формы, сплошь и рядом переходящие в хулиганство» [Там же, л. 5]. А по оценке начальника 51-го Троицкосавского кавалерийского пограничного отряда (ТКПО) ОГПУ Крумина, политика в отношении буддийского духовенства в аймаках республики граничила с уголовным преступлением [Там же, д. 1655, л. 90].

Так, например, из материалов очередного пленума Тункинского аймака ВКП(б) (июль 1930 г.) следует, что аймачное партийно-советское руководство прямо заявляло ламам, что «особо вредных из них расстреляют, а менее вредных сошлют туда, где солнца не бывает». Хуваракам (буддийским послушникам при дацанах) угрожали «трудовым перевоспитанием в лагерях» и насильно выгоняли из дацанов [Там же, д. 1675, л. 300].

Кроме Тункинского аймака, случаи административно-принудительного выдворения хуvaraков из дацанов были также зафиксированы в Селенгинском и Мухоршибирском аймаках [Там же, д. 1468, л. 100]. Курбинский сомонный совет (сомсовет) Хоринского аймака запретил населению под страхом уголовного преследования продавать ламам и хуvaraкам мясо, хлеб и другие продукты [Там же, д. 1287, л. 2].

В упоминавшейся уже информсводке Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) от 20 марта 1930 г. приводились сведения о том, что Гильбирская ячейка СВБ Селенгинского аймака постановила «не давать ламам больше трех суток проживать в улусе и по истечении этого срока прогонять». Аналогичные факты фиксировались и в других аймаках республики [Там же, л. 3].

Нередко в подобных «мероприятиях» принимали участие и правоохранительные органы. 12 апреля 1929 г. сотрудники Верхнеудинского райотделения милиции насильно выселили из ряда улусов Верхнеудинского района 10 лам. Причем выселение не было обосновано никакими письменными документами. Ламам было лишь устно объявлено, что требование о выселении исходит от улусных партиячек [Там же, д. 1173, л. 14].

При всем этом власти на местах, пытаясь формально оправдать свои явно противозаконные действия, обычно ссылались на решения так называемой Антирелигиозной комиссии Бурят-Монгольского обкома партии, созданной незадолго до начала рассматриваемой нами кампании. Еще 28 марта 1928 г. данная комиссия потребовала принять самые решительные и жесткие меры к ограничению массовых разъездов лам по аймакам, особенно по «угрожающим срывом хозяйственных и культурных кампаний». Нежелательным объявлялось и проживание лам в подобных аймаках [Там же, д. 1152, л. 44].

Кроме того, ламство лишалось, согласно решениям состоявшегося в мае 1928 года совещания партийных работников восточных районов Б-МАССР, земельных и покосных наделов [Там же, д. 1320, л. 42]. Сотни буддийских священнослужителей теряли единственную в условиях села возможность прокормить себя и членов своих семей (*семьи имели так называемые «степные» или «бродячие» ламы, официально не входившие в штат дацанов – Д. Д.*). Это совещание также предписывало запретить организацию ламами сельхозартелей, кооперативов и коммун [Там же, л. 43].

Форму специфического и, даже можно сказать, изощренного преследования ламства приобрело его налогообложение. Еще в мае 1928 г. совещание партработников восточных районов Б-МАССР потребовало «в целях увеличения контингента облагаемых налогами лам» добиться снижения необлагаемого минимума для них до 300 рублей [Там же]. По данным информсводки Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) от 20 марта 1930 г., ламы, платившие в 1929 году 35-50 рублей подоходного налога каждый, с начала 1930 года стали платить от 700 до 2 000 рублей, не считая других видов налогов [Там же, д. 1691, л. 2].

В инструктивном письме обкома партии от 15 марта 1930 г. приводился и такой красноречивый факт: в Еравнинском аймаке, при исчислении доходности лам Эгитуйского дацана, в список был включен недавно умерший лама, с определением его доходности в 14 тыс. рублей. Сделано это было, как подчеркивалось в письме, намеренно, так как руководство Эгитуйского сомона было своевременно поставлено в известность о смерти этого ламы. Налог же за данную «мертвую душу» взыскивался со всех лам дацана [Там же, д. 1287, л. 2-4].

Подобный налоговый произвол продолжался и в последующие годы. В феврале 1932 г. секретарь Нижнекурбинского сомсовета Хоринского аймака сообщал обкому партии: «Мы вручили налоговые повестки ламам Челутайского дацана на сумму 5 тысяч рублей. К 20 часам вечера того же дня (*установленный сомсоветом срок выплаты налога – Д. Д.*) они полностью выполнили этот план. На другой день от АИКа были получены новые повестки ламам данного дацана на сумму 4800 рублей» [Там же, д. 2432, л. 36].

Важной составляющей налогового прессинга на буддийское духовенство была широко применявшаяся практика его обязательного «самообложения». Последнее до 1928 года являлось формой добровольного участия сельского населения в удовлетворении собственных социальных и культурно-бытовых нужд за счет сбора денежных и натуральных средств или трудового участия в определенных общественных работах. Решения о периодическом проведении самообложения, его сумме и форме принимались только сельскими сходами.

Однако 24 августа 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О самообложении населения», которое ввело новый порядок этого самообложения на основе классового принципа и усиления роли местных Советов (сельсоветов) в данном вопросе [7]. Теперь самообложение разделялось на два основных вида – обязательное и добровольное. При обязательном самообложении его сумма, форма, порядок и сроки сбора

определялись сельсоветом, а сельскому сходу оставлялось лишь право формального закрепления его решения. Таким образом, самообложение превратилось в существенную статью пополнения местных и региональных бюджетов. Добровольное самообложение проводилось по тем же правилам, что и раньше, но на практике почти не применялось [2, с. 23].

В условиях принудительной коллективизации сельского хозяйства СССР, обязательное самообложение превратилось в мощное средство экономической борьбы с единоличной деревней, в значительной своей части не желавшей идти в колхозы. Фактически самообложение трансформировалось в разновидность прямых налоговых платежей крестьянства государству, в разновидность единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), с его принципом классовости и подоходно-прогрессивным характером. Причем единовременная сумма самообложения могла равняться сумме ЕСХН или даже на несколько порядков ее превышать.

Так, по материалам информсводки Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) от 20 марта 1930 г., Толтойский сомсовет Тункинского аймака, объявив ламам Хандагайского (Хойморского) дацана о необходимости их самообложения, предложил им в тот же день, к 20 часам вечера внести всю сумму самоналога (от 71 до 175 рублей) на каждого священнослужителя [3, д. 1691, л. 2]. И такие случаи имели место по всем аймакам республики.

К ламам, не справившимся с подобными заданиями, применяли, как правило, распродажу личного имущества с торгов, сопровождавшуюся очередными «перегибами». Тот же Толтойский сомсовет Тункинского аймака после невыполнения наказа по самообложению местными ламами немедленно подвергал описи их имущество, вплоть до обуви и постели, и продавал это имущество с торгов [Там же]. В письме обкома партии от 15 марта 1930 г. приводился похожий случай: комиссия Иройского сомсовета Кяхтинского аймака, выезжавшая в Иройский дацан для описи имущества лам – неплательщиков налогов и самоналогов, полностью описала не только имущество этих лам, но и находившуюся на них одежду, вплоть до нижнего белья и обуви [Там же, д. 1468, л. 100].

Массовые случаи подобных распродаж в республике продолжались на протяжении всей антирелигиозной кампании. Например, в докладной записке заместителя начальника 51-го ТКПО ОГПУ Тимашкова «О политическом состоянии Закаменского аймака» от 6 августа 1930 г. сообщалось, что распродаже имущества за неуплату налога подверглись абсолютно все ламы Санагинского дацана. При этом распродаже сопровождались грубыми нарушениями законности. В той же докладной записке приводились факты того, что «вещь, стоящая 10-15 рублей, расценивалась в 20 копеек и покупалась коммунистом. Ответственное лицо из аймачного центра, руководившее торгами, выбрав самые лучшие вещи и расценив их очень дешево, увезло их с собой» [Там же, д. 1655, л. 90].

В отчаянных попытках выплатить непосильные налоги и самоналоги буддийские священнослужители прибегали к массовой продаже своих домов, имевшегося сельхозинвентаря и скота. Однако даже это не везде разрешалось местными властями, рассматривалось как разновидность спекуляции [Там же, д. 1691, л. 2]. В результате распродажа с торгов личного имущества для ламства становилась неизбежной. Некоторые ламы даже сводили счеты с жизнью (хотя это и осуждается религией). Так, в письме цанид-хамбо ламы Агвана Доржиева (одного из духовных лидеров Буддийской церкви России) на имя председателя Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР П. Г. Смидовича с просьбой смягчить налоговое бремя для буддийского духовенства приводился факт самоубийства ламы Янгажинского дацана Верхнеудинского района, на которое тот решился именно «из-за невозможности уплатить налоги» [4, д. 106, л. 28]. К сведению, письмо Агвана Доржиева осталось без ответа.

К другим формам преследования буддийского духовенства в ходе антирелигиозной кампании, по материалам упоминавшегося выше совещания партработников восточных районов Б-МАССР, относились запрещения так называемых дацанских «джасы» (добровольных пожертвований мирян-буддистов в пользу дацана и его лам), которые объявлялись нетрудовыми доходами, а также запрещение дацанской издательской деятельности, приравнивавшейся к антисоветской агитации и пропаганде [3, д. 1320, л. 43-44].

Прямым следствием гонений Советской власти на ламство стал нараставший процесс их выхода из дацанов, все чаще сопровождавшийся сложением духовного сана. В марте 1930 г. в информписьме секретаря Хоринского аймака ВКП(б) Шаданова приводилось заявление лам Кижингинского дацана, так мотивировавших свой уход в мир: «Налог с нас непосильный берут, безбожники покою нам не дают, жизнь в Буреспублике для лам стает совсем невозможной» [Там же, д. 1153, л. 116]. Аналогично объясняли причины своего ухода, по данным Бурят-Монгольского областного отдела ОГПУ (июнь 1931 г.), и ламы Дырестуйского дацана Селенгинского аймака: «Советская власть стала очень сильно притеснять религию и ламство облагать просто невыполнимыми налогами и самоналогами» [1, т. 1, л. 226].

По сводке Кяхтинской аймачной тройки (аймтройки) по проведению антирелигиозного месячника (март 1930 г.), из Цонгольского дацана в отчетный период ушли около двух десятков лам и хувараков, из них 6 высших лам, имевших саны «габжи» и «гыпши» (доктора и профессора богословия). По той же сводке, во Втором Табангутском сомоне того же аймака из местного дацана ушло 12 высших лам [3, д. 1691, л. 7].

Общее количество буддийских священнослужителей, ушедших в мир и сложивших духовный сан в рассматриваемый нами период, составило свыше 2 тыс. человек [Там же, д. 2597, л. 15].

Однако преследования лам не прекращались и после этого. Ламство по-прежнему находилось в «черных списках» республиканских властей. Автоматически лишенные политических прав и свобод (как «социально-чуждые элементы»), ламы не восстанавливались в них и после сложения духовного сана и ухода из дацана [Там же, д. 2432, л. 43]. При малейших «сигналах» о том, что бывшие ламы «продолжают прежнюю жизнь»

(то есть отправляют, по просьбам родственников или односельчан, некоторые традиционные религиозные обряды, связанные с рождением, смертью, бракосочетанием и лечением различных болезней), следовал незамедлительный арест последних [Там же, д. 1468, л. 101].

Многим бывшим ламам отказывали и в праве ведения личного крестьянского хозяйства. Упомянутый выше запрет на выделение ламам, а также священнослужителям других религий земельных пашенных и покосных наделов действовал и после выхода их из дацанов [Там же, д. 1320, л. 42]. В тех же случаях, когда наделы все-таки выделялись, речь шла о предоставлении только худших и отдаленных земель [Там же, д. 1405, л. 1]. Кроме того, при выделении бывшим ламам наделов земли на них немедленно «спускали», независимо от размеров наделов и получаемых с них урожаев, так называемые «твердые задания» по хлебозаготовкам. При отказе от выполнения этих «заданий» или объективной невозможности их выполнения земельный надел подлежал изъятию, и «попутно» полностью описывалось все имущество бывшего ламы [Там же, д. 1148, л. 208-209].

Все антирелигиозные мероприятия в Б-МАССР в рассматриваемый нами период и, особенно, во время январско-февральского месячника 1930 г. сопровождалось многочисленными случаями грубого ущемления прав верующих, зачастую переходившего в откровенное глумление над ними и их религиозными чувствами. В информсводке № 2 Орготдела Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) (февраль 1928 г.) приводились сведения о действиях членом сомсовета Бодонгутского сомона Мухоршибирского аймака, занявших без согласия верующих помещение одного из буддистских дуганов под «ликпункт» (пункт ликвидации неграмотности). При этом сомсоветчики просто уничтожили предметы религиозного культа, хотя верующие просили передать им данные предметы [Там же, д. 1231, л. 22].

8 февраля 1929 г. аймачная Антирелигиозная комиссия Селенгинского айкома партии запретила традиционный молебен верующих «Саприл», проводившийся в улусе Гильбир Оронгойского сомона, а также не менее традиционные религиозные собрания мирян Янгажинского дацана [Там же, д. 1148, л. 20]. Второй пленум Тункинського айкома ВКП(б) (июль 1930 г.) констатировал тот факт, что аймачное партийно-советское руководство во время январско-февральского месячника разъясняло населению, что «молиться можно только тем, кому более 50 лет» [Там же, д. 1675, л. 300]. По материалам информсводки Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) от 20 марта 1930 г., во время проведения религиозных праздников в Гусиноозерском, Сартульском, Гыгетуйском, Цолгинском и некоторых других крупных дацанах республики «безбожники» и комсомольцы «захватывали дуганы и дацанские площади, где устраивали игры, насмехались над ламами и верующими, производили выстрелы из оружия, убивали собак около дацанов, без разрешения лам звонили в ламские колокола, курили табак и плевались в дуганах» [Там же, д. 1691, л. 5].

В Селенгинском и Агинском аймаках члены СВБ закрывали и даже разрушали так называемые «обо» (культовые сооружения из камней и деревьев, расположенные в наиболее почитаемых верующими местах). При этом верующим заявляли: «прекратите всякие богослужения, а то будете подвергнуты штрафу в размере 500 рублей, а в худшем случае будете привлечены к ответственности за контрреволюционные действия». В Цаган-Ольском сомоне Агинского аймака был отмечен случай принудительного разгона с применением оружия верующих, собравшихся у одного из местных обо [Там же, л. 5-6]. В информписьме секретаря Хоринского айкома партии Будаева от 5 августа 1929 г. приводились аналогичные примеры «войн» с обо: в Ербановском сомоне члены СВБ при участии местных коммунистов и комсомольцев разрушили и сожгли два обо [Там же, д. 1148, л. 150]. По данным информсводки Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) от 20 марта 1930 г., в Ага-Хангильском сомоне Агинского аймака сомсовет категорически запретил празднование традиционного национального бурятского праздника «Сагаалган» («Белый месяц»). В соседнем Цокто-Хангильском сомоне того же аймака сомсовет не только запретил этот праздник, но и объявил населению, что «все, кто будет праздновать Сагаалган, будут оштрафованы в 30 рублей, а кто вывесит у себя дома бурханов (танки с изображениями буддийских божеств – Д. Д.) – в 25 рублей» [Там же, д. 1691, л. 2-3]. Еще дальше пошел Оронгойский сомсовет Селенгинского аймака, разгонявший людей, собравшихся у дацана на празднование Сагаалгана, с помощью вооруженных активистов и собак [Там же].

А вот к чему сводились, согласно той же информсводке Бурят-Монгольского обкома партии от 20 марта 1930 г., основные установки работы уполномоченного по антирелигиозному месячнику в Агинском аймаке (фамилия уполномоченного в сводке не указана – Д. Д.): а) решительная борьба с ламством; б) требования от тех семей, которые имеют лам, но желают идти в колхозы, разрыва всякой связи с ламством для вступления в колхоз; в) ограничение религиозных убеждений внутри колхозов – члены колхозов не имеют права совершать религиозные обряды» [Там же, л. 6]. Впрочем, по собственному признанию Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) (март 1930 г.), все айкомы партии республики выносили решения не принимать в колхозы бедняков и середняков, «не порвавших связи с дацаном и ламством» [Там же, д. 1468, л. 102].

При этом было бы неправильно считать подобные действия местных властей неким «самоуправством», точнее говоря – это не только местное самоуправство. Еще в мае 1928 г. упоминавшееся совещание партработников восточных районов БМАССР призывало бороться на местах «против всякой связи партийных и советских работников с ламами, включая родственную линию» [Там же, д. 1320, л. 44]. Подобные методы антирелигиозной борьбы активно переносились и в среду колхозного крестьянства республики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что антирелигиозная кампания в Б-МАССР конца 1920-х – начала 1930-х гг., проводившаяся в рамках начального этапа коллективизации сельского хозяйства, стала одним из первых масштабных ударов Советской власти по буддизму и другим религиям, получившим распространение в крае. Тактические задачи этой кампании сводились к максимально возможному ослаблению

позиций религий, борьбе с религиозностью сельского населения, разрушению духовных устоев единоличной деревни. Вся антирелигиозная кампания, особенно ее формы и методы проведения, носили ярко выраженный репрессивный характер, усугублявшийся фактами грубого административного произвола на местах.

Список источников

1. **Архив Управления Федеральной службы безопасности по Республике Бурятия.** Д. № 7707/с.
2. **Беркутов А. А.** Самообложение в прямых налоговых платежах крестьянства во второй половине 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. 1. С. 22-24.
3. **Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).** Ф. П-1. Оп. 1.
4. **ГАРБ.** Ф. 248. Оп. 3.
5. **Доржиев Д. Л.** Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920-1930-х гг.: монография. Улан-Удэ, 1996. 180 с.
6. **История Бурятии в вопросах и ответах** / сост. Б. В. Базаров, Л. В. Курас, Ю. П. Шагдуров. Улан-Удэ, 1992. Вып. 3. 117 с.
7. **О самообложении населения:** Постановление ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1927. № 51. Ст. 509.
8. **Тушемилов В. К.** История ГПУ-ОГПУ Бурят-Монгольской АССР (1923-1934 гг.): дисс. ... к.и.н. Иркутск, 2004. 144 с.
9. **Цыжипов Э. Б.** История политических репрессий в Бурят-Монголии. 1928 – июнь 1941 г.: дисс. ... к.и.н. Улан-Удэ, 2006. 196 с.
10. **Чимитова Д. К.** Национальные районы Сибири 1920-1930-х гг. в отечественной историографии: экономика и культура. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2005. 286 с.

**PERSECUTIONS OF THE BUDDHIST CLERGY AND BELIEVERS
IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR DURING ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN
OF THE INITIAL PERIOD OF AGRICULTURE COLLECTIVIZATION**

Dorzhiiev Dandar Leonidovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Buryat Republican Institute of Educational Policy in Ulan-Ude
dandar65@mail.ru

The article on the basis of regional archival materials considers persecutions of the Buddhist clergy and believers in the Buryat-Mongolian ASSR during anti-religious campaign conducted in the initial period of agriculture collectivization. The author identifies forms and methods of the anti-religious campaign, argues that it was of clearly observable repressive nature, the situation was worsened by facts of harsh administrative despotism at the local level. The paper concludes that the repressions against believers served as an instrument to destroy spiritual foundations of the self-employed countryside.

Key words and phrases: Buryat-Mongolia; Buddhism; Buddhist clergy; believers; anti-religious campaign; agriculture collectivization; repressive policy; administrative despotism.

УДК 113

Философские науки

В данной научной статье исследуются методологические основания теории экологического управления. Для этого вначале проводится критический анализ существующих в современной научной литературе неоднозначных трактовок концепции экологического управления. Затем формируются картина экологического управления и его структура. На такой методологической основе в работе конструируется целостная модель экологического управления.

Ключевые слова и фразы: методологические основания; экологическое управление; системное управление; экологическая деятельность; экологическая самоорганизация; экологическое самоуправление; устойчивое экологическое развитие; экологическое развитие; управляемое развитие.

Доронина Марина Вячеславовна, к. филос. н., доцент
Табуркин Вячеслав Иванович, д. филос. н., профессор
Государственный аграрный университет Северного Зауралья, г. Тюмень
bio-farm24@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Важнейшей проблемой современной философии науки является проблема разработки теории экологического управления. В нашей отечественной научной литературе недавнего прошлого теория экологического управления была представлена весьма небольшим количеством научных работ.